

Научная статья

Research article

УДК 165.0

<https://doi.org/10.26907/2079-5912.2026.3.122–134>

© 2026 г.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Структурные ограничения использования больших языковых моделей при самодиагностике психических состояний

Ульянов А.М., Серегина Т.В.

*Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева,
302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95, Российская Федерация*

Аннотация. В статье рассматривается проблема самодиагностики психических состояний при помощи больших языковых моделей в контексте когнитивного капитализма, психоцентризма и психополитики. Показывается, что LLM выступают значимым элементом современного диспозитива власти и знания, участвующим в производстве, подтверждении и нормализации психоцентрических самоописаний индивида. Методологически исследование опирается на концептуально-аналитический и дискурсивный анализ, а также на аппарат структурного психоанализа Ж. Лакана. Цель исследования – доказать тезис о структурной невозможности LLM занимать позицию аналитика, несмотря на имитации качественных консультативных и терапевтических ответов на пользовательские запросы. Утверждается, что машинный ответ не разрывает фантазматическое самописание субъекта, а лишь возвращает его в форме машинно подтвержденного знания. Особое внимание уделяется эффекту машинной валидации, при котором исходный пользовательский запрос получает видимость внешнего экспертного подтверждения. Научная новизна исследования заключается в синтезе психоаналитической оптики, положений из современных теорий власти и положений из философии техники, позволяющем обосновать вывод о двойном замыкании субъекта в регистре Символического: через собственный фантазм и через адаптивный машинный нарратив.

Ключевые слова: большие языковые модели, самодиагностика, психоцентризм, психополитика, когнитивный капитализм, фантазм, Символическое, Реальное, Жак Лакан

Для цитирования: Ульянов А.М., Серегина Т.В. Структурные ограничения использования больших языковых моделей при самодиагностике психических состояний. *Казанский социально-гуманитарный вестник.* 2026;3(74):122–134.

Structural Limitations of the Use of Large Language Models in the Self-Diagnosis of Mental States

Ulyanov A.M., Seregina T.V.

Orel State University named after I.S. Turgenev,
95 Komsomolskaya Street, Orel, 302026, Russian Federation

Abstract. This article examines the problem of self-diagnosing mental states through large language models in the context of cognitive capitalism, psychocentrism, and psychopolitics. It argues that LLMs constitute a significant element of the contemporary dispositif of power and knowledge, participating in the production, validation, and normalization of psychocentric self-descriptions. Methodologically, the study draws on conceptual-analytical and discourse analysis, as well as on the theoretical framework of Jacques Lacan's structural psychoanalysis. The aim of the study is to substantiate the thesis that LLMs are structurally incapable of occupying the position of the analyst, despite their ability to simulate high-quality counselling and therapeutic responses to user queries. It is argued that the machine-generated response does not disrupt the subject's fantasmatic self-description, but merely returns it in the form of machine-validated knowledge. Particular attention is paid to the effect of machine validation, whereby the user's initial query acquires the appearance of external expert confirmation. The scholarly novelty of the study lies in its synthesis of a psychoanalytic perspective, contemporary theories of power, and the philosophy of technology, which makes it possible to substantiate the conclusion that the subject becomes doubly enclosed within the register of the Symbolic: through the subject's own fantasy and through an adaptive machine-generated narrative.

Keywords: large language models, self-diagnosis, psychocentrism, psychopolitics, cognitive capitalism, fantasy, the Symbolic, the Real, Jacques Lacan

For citation: Ulyanov A.M., Seregina T.V. Structural Limitations of the Use of Large Language Models in the Self-Diagnosis of Mental States. *The Kazan Socially-Humanitarian Bulletin*. 2026;3(74):122–134. (In Russ.)

Введение

Самодиагностика психических состояний – практика, направленная на описание индивидом самого себя в психологизирующих терминах (диагноза и его симптоматики) и в пределе ориентированная либо на последующее обращение индивида к специалисту: психологу, психотерапевту, психиатру как внешней инстанции для подтверждения или опровержения предварительно установленного самим индивидом психологического состояния или предполагаемого психического расстройства, либо, что более интересно, на автономное замыкание индивида на полученном самоописании. Доступность для среднего пользо-

вателя больших языковых моделей на базе искусственного интеллекта (LLM), произошедшая в последние 3–4 года (ChatGPT, DeepSeek, Claude), заметно упрощает практику самодиагностики за счет качественной имитации консультативной терапии и одновременно добавляет в нее измерение нечеловеческой агентности и коммуникации, выводя процесс (само)описания в дискурсивные пространства сгенерированного текста. Так, например, разработчики из OpenAI в одном из последних обновлений ChatGPT-5 от 27.10.2025 уделили особенное внимание общению на темы, связанные с психологическим здоровьем и консультированием. Разработчики отмечают:

«Эксперты выяснили, что в сложных диалогах на тему психического здоровья новая модель GPT-5, используемая по умолчанию в ChatGPT, сокращает количество нежелательных ответов на 39 % по сравнению с моделью GPT-4o (n=677)»¹.

В границах теоретического анализа самодиагностика психических состояний может быть рассмотрена на пересечении как минимум трех крупных проблематик, взаимно отсылающих друг к другу: психоцентризм, психополитика и приписывание сознания машинному интеллекту.

Для целей настоящей статьи сузим рамку теоретического анализа до следующих вводных. Во-первых, психические состояния индивида будут рассматриваться через широкую рамку психоанализа, где конкретным ядром анализа, в свою очередь, выступит психоаналитическое понятие фантазма. Во-вторых, статус сознательной агентности искусственного или машинного (в дальнейшем изложении эти термины будут использоваться как взаимозаменяемые с отданным приоритетом последнему из них) интеллекта будет раскрываться также через психоаналитическое понятие фантазма.

Центральная гипотеза настоящего исследования заключается в том, что большие языковые модели, активно используемые сегодня в практиках самодиагностики психических состояний, функционируют как современный диспозитив психополитической власти и психоцентрического самоописания. Генерируя убедительные, адаптивные и зачастую согласующиеся с изначальным пользовательским запросом ответы, LLM осуществляют внешнюю символическую обработку фантазма субъекта и возвращают ему его же собственное самоописание в форме ма-

шинно подтвержденного нарратива. В этом смысле языковые модели принципиально не могут открыть субъекту доступ к Реальному (реальному желанию), но лишь удваивают его замыкание в регистре Символического.

Проблематика взаимодействия человека с машинным интеллектом вообще и большими языковыми моделями (LLM) в частности в ракурсе психологического консультирования и поддержки уже сформировала самостоятельное поле исследований. Выделим некоторые исследования, коррелирующие с настоящим исследованием в некоторых существенных пунктах, что позволит определить теоретическое место последнего. Например, Дж. Седлакова и М. Трахсель с позиций биоэтики анализируют разговорный искусственный интеллект через принципиальное различие технической инструментальности и сознательной агентности и приходят к выводу, что такая система не может считаться равноправным участником терапевтического диалога [1]. Эмпирическое исследование Н. Ходсона и С. Уильямсона показывает, что большие языковые модели способны выполнять отдельные операции когнитивно-поведенческой терапии, в частности распознавать, проверять и переформулировать дисфункциональные мысли / когнитивные искажения индивидов, но не могут при этом выступать в роли самостоятельных агентов ведения психологического консультирования [2]. Данное ограничение позволяет сформулировать более широкое различие между процедурно формализуемыми и операционализируемыми терапевтическими практиками, в частности в русле когнитивно-поведенческой терапии и психоанализа, теоретически и методологически значимым для настоящего исследования. Так, когнитивно-поведенческая терапия (далее – КПТ) предполагает эксплицитное выявление и преобразование

¹ OpenAI. Strengthening ChatGPT's responses in sensitive conversations. OpenAI. 2025. 27 October. URL: <https://openai.com/index/strengthening-chatgpt-responses-in-sensitive-conversations/> (дата обращения: 15.06.2026).

когнитивных и поведенческих схем / паттернов индивидов в соответствии с конкретной терапевтической задачей. Психоанализ, особенно как практика терапии, напротив, не предлагает индивиду готовой нормативной переформулировки самоописания. Психоаналитик организует условия, в которых через собственную речь и разрывы в ней субъект может самостоятельно приблизиться к границам организующего его желания фантазма. Поэтому результат анализа никогда не задан заранее и не гарантирован. Позиция аналитика в отличие от позиции терапевта КПТ принципиально не сводится к производству более адаптивного знания о субъекте.

Отдельно стоит выделить работу Б. Кониор, посвященную машинному желанию. Исследовательница постгуманизма затрагивает тему любовных отношений с чат-ботами, непосредственно примыкающую к теме психологического консультирования и поиска психологической поддержки у больших языковых моделей. Б. Кониор описывает чат-бота как предсказательную и адаптивную систему, способную предвосхищать эмоциональные ожидания пользователя, несмотря на отсутствие у нее собственного сознания, переживания и понимания генерируемого текста [3]. Машинный язык в таком случае представляет безличную форму коммуникации, которая сама не обладает аффективным опытом, но способна вызывать аффекты и поддерживать длительную эмоциональную связь с человеком. Современный терапевтический дискурс, делающий ставку на осознанные отношения, проговаривание партнерских ожиданий, отстаивание личных границ и т.п. поддерживает сходные паттерны и в области межличностной коммуникации. Если приложить лакановскую оптику к указанной проблематике, можно предположить, что человеческий Другой, принципиально непрозрачный, но

конститутивный для желания субъекта, в том числе любовного желания, подвергается попыткам сделать его прозрачным, пронизываемым и предсказуемым. Индивид как в случаях коммуникации типа «человек-машина», так и типа «человек-человек» сталкивается лишь со своим инвертированным желанием, подкрепленным предсказательной адаптивностью машинных ответов.

В философии искусственного интеллекта отдельная линия исследований посвящена анализу больших языковых моделей как систем производства правдоподобного текста. Например, Л. Флориди и М. Кириатти очерчивают зону возможностей модели GPT-3 генерировать осмысленный текст, ограниченную статистической обработкой языковых регулярностей [4]. А. Собешек и Т. Прайс анализируют склонность LLM генерировать ложные утверждения вследствие отсутствия у них устойчивой ориентации на истину [5]. К этой же исследовательской линии примыкают исследования сикофантности LLM, т.е. склонности адаптироваться или, скорее, подстраиваться под пользовательские запросы, жертвуя эпистемической добросовестностью.

В отечественном философском дискурсе проблематика человеко-машинного взаимодействия также получила достаточно серьезное рассмотрение. Например, Д.Э. Гаспарян связывает принципиальные трудности моделирования понимания с несводимостью смысла к значению, а также с ценностным и целевым измерениями естественной семантики [6]. Н. Макарова анализирует чат-боты как внешние средства самоописания и показывает, что технологически произведенная память формирует субъектность [7]. Особенно значимым в контексте настоящего исследования является предложенное ею описание двойной символизации. А. Мерзенина с опорой на Ж. Лакана, Ф. Берарди и Ж. Бодрийера связывает цифровую коммуникацию,

к которой относится и коммуникация с LLM, с ослаблением инстанции Другого, нарушением символического обмена и психосоциальными эффектами семиотического капитализма [8].

Несмотря на бесспорную теоретическую и практическую значимость существующих исследований, механизм, связывающий техническую адаптивность LLM и их склонность к «соглашательству» с запросами пользователя с психоцентрическим самописанием, психополитической интериоризацией власти и лакановской структурой фантазма, остается слабо проясненным. Не было также обнаружено исследований, систематически обосновывающих невозможность языковой модели занимать позицию аналитика при внешнем сходстве ее ответа с терапевтическим дискурсом. Настоящее исследование направлено на заполнение наличествующей концептуальной лакуны.

Материалы и методы

Методологически исследование носит концептуально-аналитический характер и осуществляется на пересечении социальной философии, философии техники, критической теории и структурного психоанализа. Основными методами анализа выступают концептуальный и дискурсивный методы, позволяющие рассматривать большие языковые модели в качестве современного диспозитива власти и знания, участвующего в производстве, подтверждении и нормализации психоцентрических самоописаний субъекта. Дополнительные методы: интерпретативный, критико-теоретический и компаративистский методы анализа. Социально-философский уровень исследования определяется концепциями когнитивного капитализма, психоцентризма и психополитики. Психоаналитический уровень исследования опирается на лакановские понятия фантазма, желания, нехватки,

Реального, Символического и четырех типов дискурса.

Выбор лакановской версии психоанализа обусловлен принципиальной значимостью для настоящего исследования структуры желания, в том числе побуждающего субъекта обращаться к большим языковым моделям, а также языкового измерения взаимодействия человека и LLM. Внутреннее функционирование языковой модели не может быть непосредственно сведено к Символическому в психоаналитическом смысле. Архитектура моделей, работа с векторами и весами, статистическим и вероятностным подбором минимальных смысловых единиц (токенов) в случае их концептуального описания относится, скорее, к области современной философии техники. Тем не менее, доступный пользователю уровень коммуникации, находящийся в центре настоящего анализа, представлен в форме языка и потому допускает анализ посредством лакановского аппарата.

При этом лакановская теоретико-методологическая рамка не претендует на исчерпывающее объяснение всех практик самодиагностики психических состояний. Пользователь, например, может обращаться к LLM сугубо в прагматических целях: поиск медицинской и иной справочной информации, подготовка к обращению к психоаналитику и т.п. Лакановская оптика применяется в настоящем исследовании к тем случаям, в которых взаимодействие с LLM приобретает форму производства и подтверждения психологизирующего знания субъекта о самом себе.

Цель настоящего исследования – показать, что большие языковые модели, несмотря на способность качественно имитировать консультативный, терапевтический и аналитический дискурсы, структурно не могут занимать позицию аналитика в лакановском смысле, поскольку их ответы не производят разрыва в фантазматическом

самоописании субъекта, а, напротив, закрепляют это самоописание в форме машинно подтвержденного знания / нарратива.

Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд конкретных исследовательских задач.

Во-первых, разметить новый дис-позитив машинного интеллекта как наиболее релевантный для современной ситуации психополитической власти, имманентной индивиду.

Во-вторых, определить, как психо-центризм или самоописания индивида в психологизирующих терминах становится инструментом или техникой циркуляции власти в условиях когнитивного капитализма.

В-третьих, ввести два уровня релевантности психоаналитической рамки для анализа человеко-машинного взаимодействия и коммуникации, возникающих вокруг больших языковых моделей.

В-четвертых, с опорой на предложенное Ж. Лаканом различение четырех типов дискурса (дискурс господина, дискурс университета, дискурс истерика и дискурс аналитика) доказать, что LLM, несмотря на способность качественно имитировать консультативный, терапевтический и даже аналитический дискурсы, структурно не может занимать позицию аналитика. Языковые модели не производят разрыва в фантазматическом самоописании субъекта (прорыв к Реальному не происходит), но, напротив, склонны возвращать ему это самоописание в форме двойного нарратива. Собственно, Символический уровень самоописания субъекта и уровень машинного Символического или машинно подтвержденного нарратива.

Результаты

Сначала эксплицируем социополитический контекст проблемы самодиагностики и разметим общую ситуацию циркуляции власти, характерную

для современной ситуации позднего капитализма, который в ракурсе настоящего исследования может быть артикулирован как когнитивный капитализм. Когнитивный капитализм – одна из стадий (последняя на данный момент по ряду классификаций) капитализма, при которой ключевое внимание уделяется нематериальным формам капитала: знанию, информации, умственному труду и т.п. Например, Я. Мулье-Бутан связывает когнитивный капитализм с «накоплением нематериального капитала, распространением знаний и ведущей ролью экономики знаний», а также постфордизмом и возросшей прекариацией нового рабочего класса [9, р. 50]. Умение распоряжаться собственным знанием, превращая его в источник дохода, эффективно реагировать на информационные потоки и возросшие скорости их распространения, умение быть мобильным, но одновременно собранным и сконцентрированным – лишь некоторые принципиальные требования, предъявляемые когнитивным капитализмом к индивидам. Когнитивный капитализм, таким образом, выступает необходимой социополитической рамкой, обосновывающей, во-первых, почему индивид заинтересован в ментальном здоровье и знании самого себя, а, во-вторых, объясняющей, как крупные корпорации и владельцы капитала эксплицитно и имплицитно распоряжаются так понятым ментальным здоровьем индивида и его знанием о самом себе.

Возросшая культура самодиагностики психологических состояний и описания себя в психологизирующих терминах, одна из целей которой заключается в «оправдании», но, скорее, самостигматизации индивидуальной неспособности эффективно встроиться в современную капиталистическую ситуацию, часто критикуется с левых позиций. Так, канадский социолог Х. Римке ввела термин психоцентризм

ма как формы социальной несправедливости, следуя которой принято считать, что «человеческие проблемы вызваны биологически обусловленным дефектом или недостатком в телах и/или умах отдельных субъектов» [10]. При этом социальное неравенство, экономические, социальные и политические факторы, мешающие полноценной жизни индивидов, учитываются в значительно меньшей степени или не учитываются вовсе. Еще раньше М. Фишер в границах собственной концепции капиталистического реализма обосновал взгляд на депрессию как на социополитический феномен, вызванный приватизацией стресса, который провоцирует капиталистическая система. Так, он пишет: «Например, хотя верно то, что депрессия определяется низким уровнем серотонина, надо ведь еще объяснить, почему у отдельных индивидуумов такой низкий уровень. А это уже требует социального и политического объяснения. Поэтому задача реполитизации психической болезни представляется абсолютно безотлагательной, если левые действительно хотят бросить вызов капиталистическому реализму» [11, с. 72].

Можно констатировать с определенной долей уверенности, что психоцентризм становится новой формой власти при когнитивном капитализме, имманентной индивиду, поскольку тот сам поддерживает ее реализацию. На схожих основаниях и в аналогичном социополитическом регистре функционирует и психополитика. Б.-Ч. Хан, немецкий философ корейского происхождения, продолжает и упрочняет фукольдианскую линию концептуализации властных механик и техник и вводит понятие психополитики, понятой им как режим постдисциплинарной власти. Современное ему общество позднего или когнитивного капитализма Б.-Ч. Хан именует обществом усталости или выгорания. Усталость и выгорание – обратная сторона

общества, ориентированного на культ достижений и перманентное повышение самооффективности. «Общество XXI века – это уже не дисциплинарное общество, а общество достижений (Leistungsgesellschaft). Его обитатели также зовутся уже не “послушными субъектами”, а субъектами достижений. Они сами себе предприниматели» – пишет Б.-Ч. Хан [12, с. 55]. Психополитика, подобно фукольдианским дисциплинарным режимам власти, также реализуется через диспозитивы власти и знания, успешно захватывающие и переориентирующие неолиберального «субъекта достижений». Б.-Ч. Хан пишет: «Мотивация, проекты, конкуренция, оптимизация и инициатива представляют собой характерные черты [диспозитивы – А.У.] психополитической технологии власти, они же олицетворяют и неолиберализм» [13, р. 18].

Психополитика представляет собой такой режим власти, при котором техники дисциплинирования отдаются на аутсорс самому субъекту. Речь идет, следовательно, об интериоризации властных механик, добровольном построении себя как проекта, направленного как к социальному успеху / признанию, так и к «обещанному» личному счастью и удовлетворению желаний. Фигура субъекта при этом конструируется на пересечении линий менеджмента как теории управления собой / собственным временем, «психологии успеха» и self-help литературы и психотерапии как медицинского диспозитива, размечающего и картографирующего ментальный ландшафт индивида. О позитивной психологии, техниках успеха и проектах, направленных на повышение уровня личного счастья, которые становятся магистральными компонентами так называемой индустрии счастья позднего капитализма, подробно пишут, например, израильский социолог Е. Иллуз и испанский психолог Э. Кабанас. Так, ис-

следователи в одной из последних книг отмечают, что сегодня «счастье рассматривается как мировоззрение, которое можно сформировать силой воли, как результат применения наших внутренних сил и подлинного “я”, как единственная цель, ради которой стоит жить, как стандарт, по которому измеряется ценность наших биографий, размер наших успехов и неудач, а также наше психическое и эмоциональное развитие» [14, с. 18].

Экстраполируем полученные выводы на практику самодиагностики психологических состояний при помощи больших языковых моделей. Если согласиться с агамбеновским и фукольдиданским описанием диспозитива как гетерогенного комплекса дискурсивных и недискурсивных элементов, стратегически ориентирующего и переоориентирующего реальность и производящегося на пересечении «отношений власти и отношений знания», то можно интерпретировать LLM как современный диспозитив психополитической и психоцентрической власти [15, с. 14]. Обосновать правомерность такой интерпретации можно как минимум по двум пунктам. Во-первых, LLM перманентно и практически повсеместно опосредуют человеческие отношения с реальностью, будучи как дискурсивными (на входе и на выходе пользователь имеет дело с текстом), так и недискурсивными (внутренняя архитектура, элементы математического и вероятностного моделирования, серверы, энергия, поддерживающие работу больших языковых моделей) ассамбляжами. Во-вторых, самым прямым образом конструируют и поддерживают, чтобы затем пересобрать, а потом снова собрать на новых основаниях мерцающую идентичность индивидов, обращающихся к ним, в том числе в целях психологического консультирования.

Таким образом, в первой части настоящего исследования было показано,

по каким критериям можно отнести LLM к диспозитиву психополитической власти. Во второй части рассмотрим, почему, несмотря на успешное и активное использование LLM в практиках самодиагностики психологических состояний, реальная помощь от них минимальна или, по крайней мере, крайне неоднозначна. Для этого обратимся к психоанализу как широкой эвристической теории, в терминах которой можно обосновать человеко-машинное взаимодействие в аспекте психологического консультирования.

Психоанализ структурно занимает позицию между наукой, практикой психологического консультирования, герменевтическим описанием и широким мировоззрением. Еще К. Поппер, разрабатывая критерии демаркации научного знания от знания ненаучного, отмечал, что психоанализ не является научной теорией в строгом смысле, поскольку не отвечает требованиям фальсифицируемости, взятой в качестве критерия определения строгих научных теорий. Так, К. Поппер пишет: «Две упомянутые ранее психоаналитические теории [психоанализ Фрейда и индивидуальная психология Адлера – А.У.] относятся к другому классу. Они просто являются непроверяемыми и непроверяемыми теориями. Нельзя представить себе человеческое поведение, которое могло бы опровергнуть их» [16, с. 37]. Сила психоанализа как широкой объяснительной теории уравнивается его слабостью как строгой научной теории с четкими критериями фальсифицируемости. Другими словами, любой факт психической жизни при должном усилии может быть объяснен в психоаналитических терминах. Из этого предварительного методологического уточнения не следует делать вывод о ложности психоанализа как теории. Так, М. Пильюччи, комментируя критерий фальсифицируемости К. Поппера, указывает на это различие: «Они

настолько расплывчаты, что ни один эмпирический тест не сможет доказать их ошибочность, если они действительно ошибочны. Это тонкий, но важный момент. Поппер не утверждал, что эти теории на самом деле неверны, он лишь говорил, что невозможно узнать, верны они или нет, а значит, их нельзя считать научными»².

Выдвинем, в свою очередь, следующее предположение, объясняющее релевантность выбора психоанализа как эвристической модели для анализа взаимодействия и коммуникации индивида и больших языковых моделей. Существует определенная структурная аналогия между расширяемостью психоаналитического объяснительного аппарата, способного включать разнородные факты психической жизни в собственную интерпретативную рамку и адаптивностью языковых моделей под пользовательское поведение и запросы, основывающееся на машинном дообучении, контекстной устойчивости и т.п.

Многие исследования, основывающиеся на широком массиве эмпирических данных, подтверждают существование устойчивого тренда: большие языковые модели, особенно прошедшие обучение и дообучение с использованием человеческой обратной связи (RLHF), склонны к производству ответов, согласующихся с установками и ожиданиями пользователя. Например, коллектив авторов в статье «Towards Understanding Sycophancy in Language Models» приходят к выводу, что, поскольку пользователи предпочитают ответы, согласующиеся с их изначальными установками, языковые ответы чаще предлагают «удобные», но иногда откровенно ложные ответы, жертвуя устремлениями к истинному знанию и принципами эпи-

стемической добросовестности [17]. Другое исследование показывает, что в ситуациях обращения за личным советом (к которому, безусловно, относятся и запросы психологического консультирования) языковые модели нередко некритично подтверждают исходный пользовательский запрос, тем самым усиливая убежденность индивида в верности самоописания и его зависимость от машинного ответа [18]. Личный пользовательский опыт автора настоящей статьи подтверждает тезисы, отстаиваемые в приведенных исследованиях.

Следовательно, возможен эффект, артикулированный здесь как ситуация двойного подтверждения. Если пользователь приходит к языковой модели с описанием симптоматики психического состояния и формирует свой запрос в терминах психоаналитической проблематики, то полученный от языковой модели сгенерированный ответ упрочнит изначальное пользовательское убеждение. С одной стороны, посредством символизации симптоматики средствами самого психоанализа. С другой – посредством подстраивания языковой модели под запрос, обусловленный методами обучения и дообучения LLM на основе человеческой обратной связи. Подобная ситуация двойного подтверждения определяет релевантность обращения к психоанализу как объяснительной теории при анализе коммуникации и взаимодействия индивида и больших языковых моделей.

Таков первый уровень обращения к психоанализу как широкой объяснительной теории. Это поверхностный уровень совпадения психоанализа и машинной адаптивности или уровень структурной аналогии. Он может сработать только при первом приближении. Теперь необходимо рассмотреть коренное несовпадение психоанализа и машинного психологического консультирования, связанное с психо-

² Pigliucci M. Pseudoscience and the Demarcation Problem. Internet Encyclopedia of Philosophy. URL: <https://iep.utm.edu/pseudoscience-demarcation/> (дата обращения: 15.06.2026).

аналитическим понятием фантазма. Дальнейший анализ позволит доказать гипотезу о невозможности LLM выступать в роли аналитика и, возможно, неадекватности или, по крайней мере, принципиальной недостаточности машинного психологического консультирования вообще.

В структурном психоанализе Ж. Лакана фантазм – это структура работы желания, организующая реальность расщепленного субъекта и одновременно защищающая его от столкновения с Реальным. Так, Ж. Лакан приводит такое определение фантазма: «Говоря, что речь идет о фундаментальном фантазме, я имею в виду одно: в синхронической перспективе он обеспечивает тому, на что желание опирается, минимальную структуру» [19, с. 397]. Принципиальным моментом является момент несовпадения желания, которое структурировано фантазмом, и реального желания как принципиально недоступного для субъекта. Ж. Лакан пишет: «Это измерение того, чего субъект на самом деле взыскует. Оно не совпадает с реальностью, не сводится к миру обыденности – это измерение бытия» [19, с. 423]. Поскольку реальное желание принципиально недоступно субъекту, психоанализ, в особенности структурный психоанализ Ж. Лакана, не может гарантировать субъекту, что тот когда-либо в полной мере достигнет того, чего он действительно хочет, т.е. столкнется с реальным желанием. Психоанализ фундируется на этом несовпадении или разрыве желания, структурированного фантазмом, и реального желания.

Далее рассмотрим еще одну необходимую теоретическую часть структурного психоанализа, экспликация которой позволит перейти к сути дела. Так, Ж. Лакан выделяет четыре фундаментальных типа дискурса, структурно размечающих реальность и позиции субъекта, знания, власти, желания в ней: дискурс господина, дискурс уни-

верситета, дискурс истерика и дискурс аналитика. Для целей настоящей статьи нет необходимости рассматривать вопрос об их взаимосвязях и соотношениях, который, тем не менее, занимает центральное место в лакановском психоанализе. Остановимся на двух типах дискурса: аналитика и университета и на коренных несовпадениях между ними.

Дискурс университета – это дискурс, в котором господствующую позицию занимает знание, претендующее на производство, классификацию и нормализацию субъекта. «Возьмем, к примеру, университетский дискурс, тот, чей первый член, обозначенный нами S2 [знание – A.Y.], находится в позиции, обнаруживающей безумную претензию на то, чтобы произвести на свет мыслящее существо, субъект» – говорит Ж. Лакан [20, с. 221]. Другими словами, университетский дискурс производит готовые знания, с которыми расщепленный субъект может себя соотносить, чтобы восстанавливать собственную мнимую целостность. Из позиции университетского дискурса могут функционировать институционализированные формы психологического и психиатрического знания, когда они предлагают субъекту готовые классификационные схемы само-описания. В контексте настоящего исследования университетский дискурс важен тем, что он способен подменять вопрос субъекта о желании готовой схемой знания о нем самом.

Дискурс аналитика – напротив, позиция, поддерживающая субъекта в его расщепленности и позволяющая субъекту самостоятельно приближаться к границам его реального желания (опять же, в ситуации его принципиального недостижения). Психоаналитик так выстраивает ситуацию, что анализант самостоятельно через собственную речь, но, что более важно, через разрывы или лакуны в своей речи может попытаться подвести фантазм

к границе Реального. Ж. Лакан говорит: «Он [психоаналитик – А.У.] не передает в этой позиции какого-то знания, хотя нельзя утверждать, как неосторожно иногда заявляют, что знать тут, мол, вообще нечего. Под вопрос ставится именно это – функция, в обществе, определенного знания, знания, которое вам передается» [20, с. 248].

Если экстраполировать вышеозначенные положения на проблематику настоящей статьи, можно прийти к следующему заключению. Большие языковые модели на дискурсивном уровне взаимодействия и коммуникации типа человек-машина представляют готовые ответы (готовые формы знания) из позиции университетского дискурса. Субъект в процессе самодиагностики примеряет готовые означающие возможных психологических и психиатрических диагнозов на собственную ситуацию и еще дальше отдалается от реального запроса, его беспокоящего. Более того, субъект оказывается в ситуации двойного замыкания собственного фантазма на Символическом уровне. С одной стороны, фантазм субъекта, структурированный как язык, защищает его от столкновения с Реальным – собственно, психоаналитическое измерение. С другой стороны, машинное символическое закрепляет фантазм субъекта в форме машинного нарратива готовых и, как было показано, удобных или подстраивающихся ответов – измерение мнимого машинного «бессознательного». Таким образом, LLM никогда не сможет структурно занять позицию аналитика в психоаналитическом смысле, поскольку сгенерированное дискурсивное поле устраняет разрывы и несовпадения, принципиально важные для психоаналитической процедуры.

Еще один важный момент связан с позицией аналитика как Другого. В соответствии с мыслью Ж. Лакана, желание субъекта – это желание желания Другого. LLM в этой связи всегда будет

своим Другим, но никогда Другим как внешней инстанцией. LLM повторяют фантазматическое устройство желания субъекта в его же собственных терминах, к тому же закрепленных в, с одной стороны, их университетской дискурсивной позиции, с другой – дискурсивной позиции машинного нарратива.

Заключение

Проведенный в настоящем исследовании анализ позволяет сделать вывод, в соответствии с которым большие языковые модели (LLM) оказываются значимым современным диспозитивом психополитической власти, поскольку включаются в практики самодиагностики психических состояний и участвуют в производстве, подтверждении и нормализации психоцентрических самоописаний индивидов. Способность LLM адаптироваться к пользовательскому запросу и генерировать убедительные консультативные ответы создает эффект машинной валидации, при котором исходное самописание субъекта возвращается ему в виде связного и подтвержденного машинного нарратива. В этом смысле LLM принципиально, в соответствии с занимаемой ими структурной позицией, не открывают субъекту доступ к Реальному (реальному желанию), но удваивают его замыкание в регистре Символического: с одной стороны, через фантазматическую структуру самого самоописания, с другой – через произведенное знание о нем в виде машинного нарратива. Несмотря на возможность инструментального использования больших языковых моделей в поддерживающем общении, поиске и анализе справочной информации, первичной ориентации пользователя, они структурно не могут занимать позицию аналитика в лакановском смысле, поскольку не выводят субъекта к границам его фантазма, а преимущественно закрепляют его

в уже заданной логике психоцентрического самоописания.

Практический вывод настоящего исследования заключается в возможности занять определенную критическую дистанцию по отношению к знанию, производящемуся LLM в форме машинного нарратива. Инструментальное использование LLM в прагматических целях психологического консультирования может быть оправ-

дано и даже полезно в современной ситуации развития технологий. Тем не менее, в тех случаях, когда дело касается структуры желания субъекта, структуры его фантазма, а также обретения законченного знания об этой структуре следует избегать излишнего технооптимизма и приписывания языковым моделям возможности это знание предоставить по пользовательскому запросу.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest. The authors declare no conflicts of interest.

Список литературы / References

1. Sedlakova J., Trachsel M. Conversational Artificial Intelligence in Psychotherapy: A New Therapeutic Tool or Agent? *The American Journal of Bioethics*. 2023;23(5): 4–13. DOI: 10.1080/15265161.2022.2048739
2. Hodson N., Williamson S. Can Large Language Models Replace Therapists? Evaluating Performance at Simple Cognitive Behavioral Therapy Tasks. *JMIR AI*. 2024;3:e52500. DOI: 10.2196/52500
3. Konior B. Angelsexual: Chatbot Celibacy and Other Erotic Suspensions. *ΣUM: Journal for Contemporary Art Criticism and Theory*. 2025;22:2703–2715.
4. Floridi L., Chiriatti M. GPT-3: Its Nature, Scope, Limits, and Consequences. *Minds and Machines*. 2020;30:681–694. DOI: 10.1007/s11023-020-09548-1.
5. Sobieszek A., Price T. Playing Games with AIs: The Limits of GPT-3 and Similar Large Language Models. *Minds and Machines*. 2022;32:341–364. DOI: 10.1007/s11023-022-09602-0.
6. Гаспарян Д.Э. Таинство естественной семантики: трансцендентальное измерение смысла и проблема искусственного интеллекта. *Вопросы философии*. 2017;(4):81–94.
7. Макарова Н. Воспоминание в цифровом пространстве как форма «заботы о себе». *Логос*. 2024;34(6):113–132. DOI: 10.17323/0869-5377-2024-6-113-132
8. Мерзенина А. Коммуникативный декаданс. Смертельные эффекты гедонизма в пространстве семиокапитализма и гиперреализма. *Логос*. 2025;35(2):73–99. DOI: 10.17323/0869-5377-2025-2-73-99
9. Merzenina A. Communicative Decadence: The Deadly Effects of Hedonism in the Space of Semiocapitalism and Hyperrealism. *Logos*. 2025;35(2):73–99. DOI: 10.17323/0869-5377-2025-2-73-99 (In Russ.)
10. Moulier Boutang Y. *Cognitive Capitalism* / trans. by Ed Emery. Cambridge; Malden: Polity Press; 2011. 200 p.
11. Rimke H. Introduction: Mental and Emotional Distress as a Social Justice Issue: Beyond Psychocentrism. *Studies in Social Justice*. 2016;10(1):4–17. DOI: 10.26522/ssj.v10i1.1407
12. Фишер М. Капиталистический реализм. Есть ли альтернатива? / пер. с англ. Д. Кралечкина. М.: Ультракультура 2.0; 2010. 144 с.
13. Fisher M. *Capitalist Realism: Is There No Alternative?* Moscow: Ultrakultura 2.0; 2010. 144 p. (In Russ.)
14. Хан Б.-Ч. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М.: АСТ; 2023. 161 с.
15. Han B.-Ch. *The Burnout Society: Negative Experience in the Age of Excessive Positivity*. Moscow: AST; 2023. 161 p. (In Russ.)

13. Han B.-C. *Psychopolitics: Neoliberalism and New Technologies of Power*. London: Verso; 2017. 74 p.

14. Иллюз Е., Кабанас Э. *Фабрика счастливых граждан. Как индустрия счастья контролирует нашу жизнь*. М.: АСТ; 2023. 352 с.

Illouz E., Cabanas E. *Manufacturing Happy Citizens: How the Science and Industry of Happiness Control Our Lives*. Moscow: AST; 2023. 352 p. (In Russ.)

15. Агамбен Дж. *Что современно?* Киев: Дух і Літера; 2012. 78 с.

Agamben G. *What Is Contemporary?* Kyiv: Dukh i Litera; 2012. 78 p. (In Russ.)

16. Поппер К. *Предположения и опровержения: рост научного знания* / пер. с англ. А.Л. Никифорова, Г.А. Новичковой. М.: АСТ; Ермак; 2004. 326 с.

Popper K. *Conjectures and Refutations: The Growth of Scientific Knowledge*. Moscow: AST; Ermak; 2004. 326 p. (In Russ.)

17. Sharma M., Tong M., Korbak T., Duvenaud D., Askill A., Bowman S.R. et al. *Towards Understanding Sycophancy in*

Language Models. *arXiv:2310.13548*. 2023. URL: <https://arxiv.org/abs/2310.13548> (access date: 01.05.2026).

18. Cheng M., Lee C., Khadpe P., Yu S., Han D., Jurafsky D. Sycophantic AI decreases prosocial intentions and promotes dependence. *Science*. 2026;391:eaec8352. DOI: 10.1126/science.aec8352

19. Лакан Ж. *Желание и его интерпретация (Семинары: Книга VI (1958/59))* / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Логос; Гнозис; 2021. 562 с.

Lacan J. *Desire and Its Interpretation (The Seminar of Jacques Lacan, Book VI, 1958/59)*. Moscow: Logos; Gnozis; 2021. 562 p. (In Russ.)

20. Лакан Ж. *Изнанка психоанализа (Семинары: Книга XVII (1969–1970))* / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис; Логос; 2008. 272 с.

Lacan J. *The Other Side of Psychoanalysis (The Seminar of Jacques Lacan, Book XVII, 1969–1970)*. Moscow: Gnozis; Logos; 2008. 272 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Ульянов Алексей Михайлович, аспирант философского факультета, Орловский государственный университет имени И. С. Тургенева. SPIN-код 4627-4209, ORCID ID 0009-0006-9247-3607; e-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

Серегина Тамара Владимировна, кандидат философских наук, доцент кафедры логики, философии и методологии науки, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. SPIN-код 8253-1270, ORCID ID 0009-0001-9917-8065; e-mail: v_noz@mail.ru

Information about the authors

Alexey M. Ulyanov, Postgraduate Student, Orel State University named after I.S. Turgenev. SPIN-code 4627-4209, ORCID ID 0009-0006-9247-3607; e-mail: lesh.ulyanov@yandex.ru

Tamara V. Seregina, Cand. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Department of Logic, Philosophy and Methodology of Science, Orel State University named after I.S. Turgenev. SPIN-code 8253-1270, ORCID ID 0009-0001-9917-8065; e-mail: v_noz@mail.ru

Поступила в редакцию 15.06.2026
Принята после рецензирования 30.07.2026
Принята к публикации 01.09.2026

Received June 15, 2026
Revised July 30, 2026
Accepted September 1, 2026